

**ИЗМЕНЕННАЯ
НООСФЕРА**

РАССКАЗ-ТРАНСФОРМЕР

Елена Сомова

Елена Сомова

Измененная ноосфера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72086116

SelfPub; 2025

Аннотация

Мир преобразился после перенесенного людьми и животными вируса, не каждый человек мог понять другого. Над всеми стоял большой шен как символ величия и абсурда власти. У некоторых индивидов появлялись проблески разума, но общая масса стала роботизированными рабами. Среди носителей зачатков разума нашлись решившие бежать из лагеря непрерывного труда, но попали они не туда, куда рвались.. Вспоминая старый мир, озаренные придумали, как заставить большого шена работать на них, но цена обретения нового мира стала проклятием для главного героя, обнаружившего первым свои проблески после вируса. Мир превратился в театр без кукловода, где героями стали прозревшие, а общение с имбиками обратилось в развлечение вместо кино. Большого шена коснулись проблемы имбиков и прозревших, когда его дочь подросла и влюбилась.

Елена Сомова

Измененная ноосфера

Елена Сомова рассказ—трансформер

Измененная ноосфера

Глава 1. Эпоха имбецилов

Пряталась под мелкую кочку сплюснутая вирусом ноосфера, уже не держа сферу разума имбецилов, изначально произошедших от хороших породистых обезьян, но рано перешедших границу изучения их партнерами по быстрому ползанию. Испепеленная Земля набивалась всюду: в носы и уши, заполняла оболочку глаз своей обволакивающей настырностью, стала первым, что встречало бывших гомо сапиенсов, измененных для рационального использования их физических и интеллектуальных возможностей. Собственно об интеллекте речь шла в исключительных случаях, когда измененные вирусом особи сохраняли способность сопротивляться резкому свету в глаза и крику по отношению к ним, набиванию в их мешки на спинах слишком много тяжелых предметов. Все предметы, перевозимые на спинах имбецилов, оставались в жидкообразном геле, защищающим от па-

дения углы и выступы вещей, в чьей природе не оставалось дыхания человека.

Вирус убил в людях главное: стремление сопротивляться.

– Да не ходите вы на улицу, закажите на дом всё, что надо, – требовательным голосом щебетала над старичком продавщица, выработанная из искусственного интеллекта с добавлением нона для фика, прошедшего инструкции большого шена. – К тому же, на улице всё будет пропитано бактериями имбицилов, они часто чешутся и разносят по воздуху чешуйки своего эпидермиса.

Только шен мог реагировать на тех, кто ранее был людьми еще в дообезьяньем периоде. Имбецилы мрачно двигались к пределу, воспитанно сторонясь тачек с продуктом, на котором обсыхал гель перед погружением в мешки. Их спины уже не чувствовали тяжести при погружении на них и пристегивании к спинам огромных мешков с продуктами в подсохшем геле. Гель сохранял от травм неодушевленные вещи, нужные большому шену. Шен не травмировал никого, сразу убивая особь при проявлении слишком наглой активности, выраженной просьбой передышки или питания внутрь.

– Ишь, чего захотел! – вскрикивал шен, помахивая плечочкой для подстежки имбецилов.

Имбик нацеливался на него острым взглядом скрытого презрения и послушно шевелил руками, подобно плавникам рыб, – с растопыренными пальцами, чтобы легче было придержать огромный мешок, повисший между лопаток. Внутри мешка, чамкая, скользил гель, он был везде, где работали имбики, так как эти ластоногие случайно могли уронить даже не тяжелый груз и вовсе разбить всё, что наваливал им на плечи и спины большой шен. Мастодонт явно торопился. Имбики не соображали, зачем. Шену требовалось укротить всех бесподобных подопечных, они были послушны все, даже те, в чьих глазах проблескивали иногда вспышки ума, уничтоженного вирусом.

– Шен, ты долго будешь возиться с этими обжорами? – возник из рации голос активиста прогресса. – Я устаю подолгу ждать тебя, чтобы сыграть в покер. Пальцы требуют, понимаешь...

На что шен отвечал предельно ясно:

– Я заканчиваю, заканчиваю.

Сам же нисколько не прибавлял темпа своего привычного действия, совершаемого в привычном размере: заметить свободного имбика, его руками взять продукт из чана, сверху, показывая, как это следует делать. Смочить продукт гелем,

обмакивая его в другой чан. Положить ровно на тележку и так, пока нехитрый его транспорт не наполнит ровную поверхность на колесах.

– Затем включаем сушилку и завозим тележку в нее. Пока пять минут сушится гель на продукте, готовим мешки, – инструктор сглатывал слюну, чтобы смочить горло. Исправно поработала сушилка и в отношении вируса: уничтожила слизистую горла.

Следующий имбик уже был готов, когда большой шен утомился и лег прямо на пол отдохнуть. Даже его коснулись некоторые изменения природы или породы, но из рации голос говорил «порода у тебя такая», – значит, «породы», как у собак и всех уничтоженных типов существования материи, из которой делали продукт.

– Ты моргай чаще, моргай, – раздался приглушенный шепот, попавший под усилитель звука, ходящий лучом по стене и потолку.

Это прозревший учил имбика психической свободе. Прозревших было мало, но иногда возникали новые, отчего они прозревали, было непонятно. Неожиданно у имбика появлялся свет в глазах и руки становились не лапами или плетями, свисающими, если он не вёз тележку и не вытаски-

вал продукт из чана, а рано утром после трудового сна шёл за тележкой в начале рабочего действия. Всё в стране стало трудовым, даже сон, иначе нельзя было назвать топтание и толкотню борьбой за свободное место под люком, откуда сверху шла хиленькая струйка не затхлого воздуха. Спали по очереди, отодвигая спящих и уже надышавшихся свежестью. Но они не понимали, что это свежий воздух, просто их тянуло в тот угол по привычке внезапного уединения для осмысления собственного положения.

Прозревшим жилось тяжелее, им хотелось наружу, за люк в потолке, откуда изредка спускали несформированный продукт. Прозревшие чувствовали запах, понимали всё или почти всё, и прятались от шена и лучей из его рации. Единственной мечтой прозревших было попасть наверх, но невозможно оказалось найти никаких ступеней, а несформированный продукт спускали на тросах, которые быстро затягивались назад в круглую дверь, а иногда и бросались вместе с продуктом на пол.

Как удалось одному прозревшему схватиться руками за трос, – непонятно было никому, но единиц десять прозревших видели увлекаемого ввысь собрата по казни выжить в послевирусных условиях среди имбецилов и омутов трудовых порук за них. Их же надо было учить всему заново, даже просыпаться утром.

Имбецилы моральным своим обликом были похожи на хомяков, которые активно потребляли продукты питания, даже не ощущая по—настоящему голода. Одна особь могла употребить чуть меньше небольшого слона в советском элитном зоопарке для партийных работников, куда они приводили свою семью посмеяться над братьями меньшими, в то время как привычки у многих были похожи на их собственные. Оттого—то их и прозвали хомо—сапиенс, подчеркивая тем самым принадлежность к хомяковым привычкам хорошенько подкрепиться. И они даже иногда оправляли свой статус, поддакивая чиновничьей говорилке, отмечающей вставших на работу: «Хомо-хомо, не гомо-сапиенс, хомо!».

Среди них оказался поэт Хомяков, но его по—настоящему никто не знал, и не потому что он был скрытным, напротив, Хомяков Хом Хомич с готовностью рассказывал о себе некие подробности, о которых приличные люди обычно умалчивают, даже после перенесенного вируса.

Хомяки быстро приспосабливались к вынужденным обстоятельствам, находя кусочки съестного повсюду, и там же, где нашли, там и ели эту небесную посылку.

Хомяки любили своих самок больше, чем люди, никогда не дрались и не критиковали дам за длинный хвост кавалеров или пушистые усы, вялые ушки или кружевную белую шерстку на пухлой грудке. Самки хомяков безропотно рожали каждые пять месяцев, заботливо вынашивая потомство и выкармливая новорожденных бело—розовых хомяч-

ков с узкими беззащитными к свету глазками, опушенными короткими щетинистыми ресницами. Выражение глаз новорожденных было острым с чуть приспущенными веками перед хватанием соска самки—матери. Сколько ни сосали новорожденные хомяки молока, им всегда было мало. Забавно толкались мелкие их розоватые продолговатые тельца у тушки матери в поисках местечка у горяченького лохматого пуза в сосцах, обретая смысл жизни.

Вырастали из них, впрочем, довольно прыткие млекопитающие, с рождения показывающие свою прыть и не скрывающие своих намерений. Росли они быстро, и начинали так же быстро понимать свое предназначение, активно двигая ушками и челюстями, ловко лавируя хвостом-антенной между препятствий к цели.

Несколько видов вышли из—под контроля большого шена, и обзавелись имуществом. Рассмотрим судьбы охмяченных особей, выношенных и поднятых из бункера матерью—природой.

Глава 2. Хоми и пастыри

Одичавшая Хоми, справно отправив в мир иной хворого мужа, пустилась в ярый выгул плоти. В ее поселке в тот год выстроили церковь, и Хоми в ожидании священника с единой целью освятить прах, упакованный в пластиковую банку, и заодно как следует вдове, познакомиться с пасты-

рями, служками храма и, естественно, со священнослужителем, ежедневно держала вахту. Делала она это почти инстинктивно, чтобы помочь грузить кресты, по ее разумению, всю алтарную атрибутику, мощи и рулоны атласа. Находчивая Хоми курсировала возле закрытого храма, прикладываясь ко священным вратам в мир, полный богатства и власти. Забор был со знатным цифровым кодом, так что слыл в поселке замком с привидением чести и совести в углах, а по центру в окна через бинокль едва просвечивал оплот эпохи. Его очертания бережно будоражили воображение вдовы. Нетерпеливой Хоми представлялся то замок из чистого серебра с высокими готическими башенками, то колодец—журавель с цепным скрипом и позвякиванием цепей.

– Ишь ты, звенят, кандалы мамоны, – приговаривала и прихорашивалась в отражения окон храма Хоми.

День был в разгаре, солнышко освещало лучами складни сквозь стекла, а бабы, как положено по статусу, точили сплетни, острее кинжального острия, так что вдове доставались и мешки круп из храмских угодий в будущем, и освященная вода с привкусом холодного железа в розлив по 10—литровым бутылкам для вольного предпринимательства. Болотом несло от водопроводной и всей околочанализационной, нельзя сказать, воды, но почти киселя. Явный признак будущих богатств мерещился Хоми, как ночью в День Ивана

Купалы в глубокой чаше леса мерещился древним славянам папоротник с огромным красным цветком на макушке.

Священник в поселок не торопился. Хоми израсходовала запас ожидательной энергии, и начинала нервно курсировать вдоль дорогостоящего забора, когда неожиданно на дорогу к храму завернула с трассы корейская KIA Cerato.

Тут инстинкт вдову не подвел: Хоми ринулась прямо под колеса иномарки, полностью положившись на бдительность водителя. За ним и сидел будущий повелитель Хоми с огромным крестом во весь передний фасад. Оголодавшая вдова провела под резным забором с цифровым кодом ворот не одни сутки, поэтому она не могла ошибиться, ибо ее невидимые антенны чутко двигались в такт колес корейского производства. Хоми начинало дробно трясти при виде таких машин. Не окажись она рядом, праздника сплетникам не было бы.

KIA Cerato плавно остановилась. Вышел водитель, проворно подлетел к машине с другого бока и помог выйти владыке. Поп приподнял глаза к небу, молясь всей округе и придерживая крест на пузе пальцами. Хоми, пережив испуг и не оказавшись раздавленной иномаркой, оказалась полностью морально раздавленной пассажирами заветного транспорта. Они даже не взглянули на суетливую красавицу, эстетически прибранную, как на 1 Мая на парад. Но от этого у Хоми только прибавилось аппетита. Вдова быстро перекрестилась, перечеркивая себя сложенными пальцами рук. Наверное, в

эту минуту и пальцы ног вдовы сложились вместе, готовые пойти на весу вдоль лба и груди в воздушном перекрестии.

За владыкой из KIA Cerato вылетел главный бухгалтер, с достоинством поддерживая оттопыренными пальцами свой портфель с туалетной бумагой высшего качества, проштампованной и простеплерованной по левым верхним углам.

Хоми, едва отдышавшись от вида владыки, едва не задохнулась теперь по настоящему от вида его экономического подвижника, но чудом сдержала эмоции. Не могла же она выдать свой пятый козырь и сразу предложить богатым мужчинам отдать ей все деньги и скрыться. А на фигу ей нужны они, – дама сама знает, как распорядиться финансированием.

От главбуха повеяло волной лучшего французского парфюма. Хоми чуть не упала от этой роскоши, прислушиваясь к тихой беседе вставших перед храмом духовных пастырей.

– В это начало вложиться надо еще пятью откупам, – частил главбух, не смотря на свой деловитый вид с элементами грации.

– Обходные пути надо искать лучше. Я знаю, что рядом с нами денежный колодец, – вымолвил владыка.

Хоми напряглась: в полном сознании и при твердой памяти она услышала такой комплимент в свой адрес, какого не

получила ни разу от уплывшего в океан мировой торговли и сгинувшего там в щупальцах осьминога, ее супруга.

Хоми, усердная вдова, она даже принесла в старую церковь три яйца и пасху, выпрошенную по акции у дежурной уборщицы с торца поселкового магазина. Ох уж эти магазины и магазинчики! Во всех—то в них есть свои цены! В каждом – своя, не продешевь, кум—патриот, отдавая задарма женам патриотов отечества невысокого качества бублики! Нулики производства, ароматно выражающие свою ценность в руках и пальцах, нажимающих на круглый бочок и удваивающих марку качества.

Весело стало Хоми наблюдать свои действия со стороны: она думала, церковные служащие богачи, а они, оказывается, отслужили, выполнив миссию, наложенную на них свыше, и теперь надвигаются бурей на валежник, разработав тактику отползания за оползнем прорухи.

Тихо поцокала Хоми в свои законные апартаменты, убыстряя шаг насколько возможно. Зачем увечить жизнь соломенной вдовы, – надрывалась внутренними усмешками эта неглупая в целом женщина, решившая улучшить свое будущее.

Главное, не ухудшить, – в такт шагам почти пела Хоми, уже подходя к своему светлому дому с наличниками в нежно—небесной краске. Эту дивную краску выписало вдове ЖКУ накануне окончания последних работ в храме, выстроенном на сваях бывшей конюшни, отдавшей своих коней на

ипподром.

Другие особи хомяков казались удачливее Хоми, держались вместе и развивали свою активность сообща, как вот, к примеру, бухгалтерша с площади Ассенизации, бывшей площади Революции, которую имбецилы презвали. Бухгалтерша торгует лифчиками из—под стола в бухгалтерии, а выдает зарплату с таким скрипом, будто от сердца свои кровные отрывает.

Когда шен уставал махать плеткой, он сразу начинал зевать, кашлять, чихать и скучать. Имбики прыгали от радости, самые отважные вскарабкивались ему на плечи и интенсивно, по очереди, делали начальнику массаж седьмого шейного позвонка. И заодно всего позвоночника. Затем танцевали на его пузе с подскоками и взмахами платочка в руке. Но вскоре к шену приходило самообладание, он вскрикивал, скидывал очки на лоб, а потом опускал на глаза, и начинал читать газету. На газете огромными цветными буквами было написано: «ГАЗЕТА» – и всем становилось понятно, что спрашивать его о чем—то будет бесполезно. Газета была интересная, с увлекательными рассказами о путешествиях, смешными и страшными фрагментами из жизни имбииков и воспоминаниями разных довирусных историй, которые не успевали напечатать. Иногда большой шен пускался в устное путешествие по своему детству, и равному не было

в познании детской психологии, он объяснял, почему именно так поступали дети и взрослые из его рассказов. Имбики слушали и вникали, расшевеливая спящие мозги.

Однажды шен вспомнил, как в далеком прошлом ходил за своими заработанными деньгами в бухгалтерию, где приветливая дама с хитроватым прищуром предлагала ему взять отростки цветов для жены. Он отказывался, но выходил с пакетом отростков.

И теперь повеяло воспоминаниями, которые облегчали жизнь. Они будут позже, сначала – реальность.

Глава 3. Книга прозрений

Пока большой шен развлекался с имбиками, объявился в стране малый нэш, и люди стали не просто принадлежать своему делу, а выражать характер, цвет, размер, графическую сетку и применение. Человек стал вещью.

Продавец косметики стал шампунем, туалетной водой, кремом. Спрашивали такого продавца:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.